

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

**РЕАЛЬНОЕ
И СВЕРХРЕАЛЬНОЕ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Карл Густав Юнг

Реальное и сверхреальное

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68873055

Реальное и сверхреальное:

ISBN 978-5-17-153068-6

Аннотация

Сверхреальное существует объективно, но дано нам не в ощущениях, а опосредованно – через его проявления. Мы встречаемся с ним, вступая в хрупкий мир снов, где с нами говорит бессознательное языком символов и знаков. Мы прикасаемся к нему, сталкиваясь с акаузальным – например, когда нечто подбрасывает нам в течение дня повторяющиеся символы и образы в обстоятельствах, не имеющих меж собой ничего общего. Мы видим его повсюду...

Карл Густав Юнг нашел в себе смелость заявить: никакие исследования окружающего мира невозможны, если мы отрицаем существование сверхреального; вторгаясь в область духа и сознания с грубым инструментарием рацио, наука рискует потерпеть полное фиаско. Удивительно, но факт: идеи Юнга горячо поддержал выдающийся физик Вольфганг Паули и даже более того – принял деятельное участие в исследовании феномена синхронистичности.

Содержание

Общие вопросы психологии сновидений	5
Общие вопросы психологии сновидений	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карл Густав Юнг

Реальное и сверхреальное

© Walter Verlag AG, Olten, 1971 © Foundation of the Works
of C.G. Jung, Zürich, 2007 © Издание на русском языке AST
Publishers, 2023

Общие вопросы психологии сновидений

Впервые опубликовано на английском языке под названием «The Psychology of Dreams» в коллективном сборнике «Работы по аналитической психологии» (Лондон, 1916). Немецкий текст в переработанном и дополненном виде увидел свет в авторском сборнике «О психической энергии» (Цюрих, 1928), а затем, снова дополненный, появился в сборнике «О психической энергии и сущности сновидений» (Цюрих, 1948).

Общие вопросы психологии сновидений

Сновидения обладают психической структурой, которая отличает их от прочих элементов сознания, потому что, насколько мы можем судить по их форме и значению, они не отражают непрерывности развития, в отличие от других осознаваемых элементов. Как правило, они не воспринимаются в качестве неотъемлемых составляющих нашей сознательной психической жизни, выглядят скорее посторонними, внешними, случайными событиями. Причина такого исключительного положения сновидений кроется в их особенном способе возникновения: они появляются вовсе не из отчетливо опознаваемой, логически и эмоционально непрерывной связности опыта, подобно другим элементам сознания, но представляют собой следы особой психической деятельности, протекающей во сне. Одного только способа возникновения сновидений уже достаточно, чтобы отличать их от прочих элементов сознания; а ведь имеется еще содержание снов, которое разительно контрастирует с нашим сознательным мышлением.

Впрочем, внимательный наблюдатель нисколько не затруднится установить, что сновидения все-таки не полностью выпадают из непрерывности сознания, ибо почти в каждом сновидении можно обнаружить подробности, порожден-

ные впечатлениями, мыслями, настроениями текущего или предыдущих дней. В этом отношении сновидениям свойственна некоторая непрерывность, пусть на первый взгляд она как бы *обращена вспять*. Но всякому, кто сколько-нибудь глубоко интересуется сновидениями, совершенно очевидно, что сновидения также характеризуются *устремлением вперед* – если позволительно такое выражение, – ведь время от времени сны оказывают заметное влияние на сознательную умственную жизнь, даже у тех людей, кого никак не назовешь суеверными, тем более ненормальными. Эти следы сновидений проявляются главным образом в более или менее выраженных перепадах настроения.

Не исключено, что именно вследствие такой слабой связи с прочими элементами сознания сновидения предстают предельно нестабильными с точки зрения их запоминания. Многие сны ускользают от всех попыток их пересказать, даже тотчас после пробуждения; другие припоминаются разве что с сомнительной достоверностью; лишь сравнительно немногие сновидения оказываются вполне ясными и четко воспроизводимыми. Эту специфическую особенность возможно объяснить, исходя из характеристик различных элементов, составляющих сны. Комбинация идей в сновидениях по сути своей *фантастична*; они сочетаются друг с другом в последовательности, которая, как правило, совершенно чужда нашему «реальному мышлению» и составляет разительный контраст логической последовательности идей,

привычно воспринимаемой как специфическая характеристика сознательных умственных процессов.

Именно этим признакам сновидения обязаны появлением вульгарного определения «бессмысленные». Прежде чем выносить такой вердикт, нужно вспомнить, что сновидение и его содержание есть нечто такое, чего мы не понимаем. То есть подобным вердиктом мы попросту проецируем на объект свое непонимание. Это ничуть не означает, будто сновидениям не присущ собственный смысл.

Оставляя в стороне многовековые усилия по вычленению из сновидений пророческих смыслов, можно утверждать, что Фрейд первым предпринял успешную практическую попытку понять реальное значение снов. Его труды достойны именоваться «научными», поскольку он разработал методику, благодаря которой и он сам, и многие другие исследователи вслед за ним постигали объект, то есть раскрывали истинное значение сновидений. Важно отметить, что это значение не тождественно фрагментарным смыслам, извлекаемым из явного содержания снов.

Не будем здесь критически разбирать фрейдовскую психологию сновидений. Скорее я постараюсь кратко изложить факты, которые мы сегодня вправе трактовать как более или менее достоверно установленные в психологии сновидений.

Первый вопрос из тех, что будут обсуждаться, звучит так: на каком основании мы приписываем сновидениям какое-то иное значение, нежели то, какое возможно почерпнуть из

неудовлетворительных и фрагментарных обрывков явного его содержания? В этом отношении особенно убедительным выглядит тот факт, что Фрейд выявил скрытое значение сновидения *эмпирически*, а не *теоретически*. Следующий довод в пользу того, что сновидения имеют некое скрытое значение, проистекает из сравнения сюжетов сновидения с фантазиями в состоянии бодрствования у одного и того же индивидуума. Не составляет труда заметить, что фантазиям наяву присущи не только поверхностные и конкретизирующие значения, но также и более глубокие психологические значения. Существует очень древний и широко распространенный тип фантастического повествования, ярким образцом которого являются басни Эзопа, и этот тип наглядно иллюстрирует все слова, которые можно произнести относительно значения фантазий как такового. Например, рассказывается некая фантастическая история о поступках льва и осла. Если рассуждать поверхностно и конкретно, это повествование есть бессмысленная фантазия, но мораль, которая в нем заложена, доступна пониманию всякого, кто задумывается над этой историей. Показательно, что дети охотно довольствуются явным значением этой басни.

Пожалуй, наилучшим доводом в пользу существования у сновидений скрытого смысла будет добросовестное применение технической процедуры по истолкованию проявленного содержания снов. Тем самым мы переходим ко второму важному вопросу в наших рассуждениях, или к вопросу

об аналитической процедуре. Здесь я тоже не стремлюсь ни защищать, ни критиковать взгляды и открытия Фрейда; удовлетворюсь тем, что изложу твердо установленные, по моему мнению, факты. Если мы исходим из того, что сновидение является плодом работы психического, то у нас нет ни малейших оснований предполагать, будто конституция и функционирование сна подчиняются каким-то иным законам, а само сновидение по своему предназначению отлично от любого другого плода деятельности психического. Согласно изречению: «Principia explicandi praeter necessitatem non sunt multiplicanda»¹, мы должны рассматривать сновидения аналитически, в точности как любой другой психический феномен, если опыт не заставит нас изменить свой подход.

Мы знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с каузальной точки зрения, является результатом предшествующего взаимодействия психических элементов. Еще мы знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с финалистской точки зрения, обладает собственным значением и целью в текущем психическом процессе. Данный критерий должен быть приложим и к сновидениям. Потому, подыскивая психологические объяснения для сновидений, мы должны сначала установить, какие именно предыдущие состояния в них отражаются. Нам придется проследить истоки каждого фрагмента в общем сновидении.

¹ «Не следует умножать принципы сверх необходимого» (лат.). – Примеч. ред.

Приведу всего один пример: *пусть кому-то снится, что он идет по улице, но вдруг перед ним выскакивает ребенок, которого тут же сбивает автомобиль.*

Мы редуцируем общую картину сновидения с помощью воспоминаний сновидца. Он опознает улицу как ту, по которой проходил накануне. В ребенке он узнает своего племянника, которого видел минувшим вечером, когда навещал брата. Несчастный случай напомнил ему аварию, которая случилась несколькими днями ранее и о которой он читал в газете. Как известно, большинство людей довольствуются редукцией такого рода: «Ага, – говорят они, – вот почему мне это приснилось».

Естественно, что подобная редукция с научной точки зрения совершенно неудовлетворительна. Ведь сновидец накануне ходил по многим улицам, но почему в сновидении появилась именно эта? Он прочел в газете о нескольких несчастных случаях, но почему выбрал именно этот? Если коротко, выявления какого-то одного события в прошлом явно недостаточно, поскольку убедительное объяснение образов сновидения возможно лишь через соперничество нескольких сюжетов. Накопление материала продолжается в соответствии с тем же принципом воспоминания, который называется методом свободных ассоциаций. Как следствие (это нетрудно понять), у нас накапливается обширный и крайне разнообразный материал, который, по всей видимости, не имеет между собой ничего общего, но ассоциатив-

но связан с содержанием сновидения, иначе он никогда не проявился бы в этом содержании.

Насколько далеко нужно заходить в накоплении подобного материала – это важное техническое уточнение. Поскольку целостное психическое содержание жизни в конечном счете можно вывести из какой-то одной отправной точки, теоретически весь предшествующий жизненный опыт индивидуума возможно обнаружить в каждом сновидении. Но нам необходимо собрать ровно столько материала, сколько необходимо для понимания смысла сновидения. При этом ограничение количества, безусловно, должно производиться произвольно, в соответствии с кантовским принципом, который гласит, что «постигать» нечто – значит «познавать в той степени, в какой это нужно для нашей цели»². Например, предпринимая изложение причин французской революции, можно накапливать материал и включить в него не только историю средневековой Франции, но также греческую и римскую истории, что, конечно же, не является насущным «для поставленной цели», поскольку революционную предысторию вполне можно понять из куда менее обильного материала. Следовательно, для сновидений мы должны собирать материал лишь до тех пор, пока нам кажется необходимым это делать для извлечения из сна его истинного значения.

² См.: Die Logik, p. 377. [Рус. пер. и источник цитаты. – *Кант И.* Логика// Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. Т. 8. / Перевод И. Маркова, В. Жучкова. – *Ред.*]

За пределами указанного выше произвольного ограничения материала исследователь не может действовать по собственной воле. Накопленный материал необходимо теперь просеять и изучить в соответствии с принципами, которые всегда применяются при работе с историческим и вообще любым эмпирическим материалом. По сути, это сравнительный метод, и он, разумеется, не прилагается к материалу автоматически: в значительной степени все обуславливается умениями исследователя и стоящими перед ним задачами.

Когда объяснению подлежит какой-либо психологический факт, нельзя забывать о том, что все психологические данные требуют рассмотрения с двух точек зрения – с *каузальной* и с *финалистской*. Я намеренно употребляю слово «финалистский», чтобы избежать путаницы с телеологией. Под «финальностью» я подразумеваю имманентное психологическое стремление к цели. Вместо «стремления к цели» можно было бы сказать «ощущение цели». Все психологические явления обладают таким стремлением, даже простейшие реакции наподобие эмоциональных. Гнев, вызванный оскорблением, имеет своей целью месть, а цель показной скорби состоит в возбуждении у окружающих сострадания, и т. д.

Применяя каузальную точку зрения к материалу, связанному со сновидениями, мы редуцируем явное содержание сна до каких-то основополагающих мотивов или идей, присутствующих в этом материале. Как и следовало ожидать,

такие мотивы и идеи по своей природе элементарны и носят обобщенный характер. Например, одному юноше снилось следующее: «Я стою в чужом саду и срываю с дерева яблоко. Я осторожно оглядываюсь и проверяю, что меня никто не видит».

Ассоциативный материал сновидения – это воспоминание о том, как однажды в детстве наш юноша сорвал без позволения несколько груш в соседском саду. Угрызения совести – важная черта сновидения – напоминают ему о ситуации, пережитой накануне. Он встретил на улице молодую даму, свою случайную знакомую, и перекинулся с ней парой слов. В тот миг мимо проходил один его знакомый, и юношу внезапно настигло странное смущение, как если бы он сделал что-то запретное. Яблоки из сна он ассоциировал с искушением в Эдемском саду и с тем фактом, что сам никогда не понимал, почему вкушение запретного плода повлекло за собой столь печальные последствия для наших прародителей. Он всегда злился, всегда думал, что Бог поступил несправедливо, ведь люди созданы Им по Своему подобию, а любопытство и жадность присущи человеку изначально.

Другая ассоциация – это наказание от отца, поведение которого тоже казалось нашему юноше необъяснимым. Суровее всего его наказали, когда застигли за подглядыванием за девушками во время купания. Дальше последовало признание в том, что недавно у этого юноши случился роман с одной горничной, но он еще не довел любовную историю до

естественного завершения. Вечером накануне того сновидения у него было свидание с этой девушкой.

Изучая этот материал, нетрудно заметить, что сон содержит практически прямую отсылку к событию, случившемуся накануне вечером. Ассоциативный материал показывает, что эпизод с яблоками надлежит трактовать как эротическую сцену. По ряду других причин можно также счесть вполне правдоподобным, что в сновидение проник опыт минувшего дня. Во сне молодой человек срывает райское яблоко, которое в реальности он пока сорвать не успел. Остаток материала, связанного со сновидением, затрагивает другой опыт прожитого дня, а именно угрызения совести, которые охватили юношу, когда он беседовал со случайно встреченной дамой. Перед нами также отсылка к грехопадению в раю и вместе с тем – к эротическому проступку, совершенному в детстве, за который отец его строго наказал. Все эти ассоциации объединяет ощущение *вины*.

Сначала рассмотрим этот материал с каузальной точки зрения Фрейда, то есть, используя выражение самого Фрейда, «истолкуем» это сновидение. Желание осталось неутоленным со дня накануне сновидения. Во сне желание исполняется *символически* в эпизоде со срыванием яблока. Но почему это исполнение желания маскируется и прячется за символической формой, а не выражается в облике прямой фантазии сексуального содержания? Фрейд бы указал на очевидное чувство вины, присутствующее в материале, и от-

метил бы, что мораль, которая навязывалась этому молодому человеку с самого детства, направлена на подавление подобных желаний, а потому она преобразила естественный порыв в нечто постыдное и недостойное. В результате вытесненная болезненная мысль может выражаться только «символически». Раз такие мысли несовместимы с моральным содержанием сознания, то некий психический авторитет – Фрейд назвал его цензором – мешает этому желанию предстать в сознании в явной, откровенной форме.

Рассмотрения сновидения с финалистской точки зрения, которую я противопоставляю каузальной точке зрения Фрейда, не означает – и это обстоятельство необходимо всемерно подчеркнуть – отрицания причин сновидения; скорее здесь предлагается иное истолкование связанных со сновидением ассоциативных материалов. Факты остаются теми же самыми, но меняется критерий, по которому они оцениваются. Вопрос можно сформулировать следующим простым образом: какова цель этого сновидения? Какое следствие оно должно иметь? Такая постановка вопроса несколько не произвольна, подобные вопросы можно задать по поводу любой психической активности. Спрашивать, почему и зачем, можно всегда, ведь любая органическая структура есть сложная сеть целенаправленных функций, каждая из которых, в свою очередь, может быть разложена на ряд индивидуальных проявлений, ориентированных целесообразно.

Ясно, что материал, добавленный сновидением к эроти-

ческому переживанию предшествующего дня, подчеркивает преимущественно чувство вины в эротическом действе. Та же самая ассоциация уже была воспроизведена в другом событии предшествующего дня – в случайной встрече с молодой дамой, когда у юноши вдруг и сами собою возникли угрызения совести, как если бы он в тот миг совершил нечто предосудительное. Это чувство отразилось в сновидении, причем оно было усилено ассоциациями с дополнительным материалом, а эротическое переживание предшествующего дня предстало в облике истории грехопадения, которое обернулось наисуровейшим наказанием.

Я утверждаю, что у сновидца проявилась бессознательная склонность или стремление представлять свое эротическое переживание как проступок. Показательно, что за сновидением пришла ассоциация с грехопадением и что молодой человек, по его словам, никогда не понимал тяжести наказания, назначенного нашим прародителям. Эта ассоциация проливает свет на причину, по которой он не мог просто подумать: «То, что я делаю, неправильно». Очевидно, он и не подозревал, что хотел бы осудить свое поведение как морально неприемлемое. На самом деле так оно и было. Сознательно же он считал, что его поведение в моральном отношении вполне безупречно, ведь все его друзья вели себя таким же образом; в остальном он попросту не понимал, с какой стати нужно вокруг всего этого поднимать такой шум.

Считать это сновидение осмысленным или бессмыслен-

ным — зависит от ответа на очень важный вопрос: осмысленна или бессмысленна моральная точка зрения, унаследованная нами из глубины столетий? Я не намерен вдаваться здесь в философскую дискуссию по этому поводу; замечу лишь, что человечество наверняка имело достаточно веские основания для того, чтобы придумать именно такую мораль, ведь иначе было бы поистине непостижимо, почему наложены столь строгие пути на одно из сильнейших человеческих желаний. Учтя сей факт, мы попросту обязаны объявить наше сновидение осмысленным, поскольку оно показало молодому человеку необходимость взглянуть на свое эротическое поведение с точки зрения морали. Первобытные племена располагают, в некоторых отношениях, чрезвычайно строгими правилами относительно сексуальности. Это доказывает, что сексуальной моралью нельзя пренебрегать, рассматривая высшие функции психического; наоборот, ее следует непременно принимать в расчет. Что касается нашего случая, можно, пожалуй, сказать, что молодой человек, словно загипнотизированный примерами своих друзей, несколько необдуманно поддался собственным эротическим желаниям, упустив из вида тот факт, что человек есть морально ответственное существо, которое, добровольно или принудительно, подчиняется морали, придуманной им самим.

В этом сновидении мы можем распознать и некую восполняющую функцию бессознательного, посредством которой те помыслы, склонности и устремления человеческой лич-

ности, что в сознательной жизни почти не ценятся, внезапно вступают в действие во время сна, когда сознательные процессы во многом прекращаются.

Здесь поневоле напрашивается вопрос: какая в том польза сновидцу, если он все равно не понимает смысла своего сновидения?

На это я должен ответить, что понимание не является глубоко интеллектуальным процессом, так как опыт показывает, что человек подвержен (и постоянно поддается внушению) множеству влияний, о которых он ни в коей степени не осведомлен интеллектуально. Позволю себе в этой связи напомнить читателю о действительности религиозных символов.

Приведенный выше пример может привести к предположению, что функция сновидений является выраженно «моральной». Такой она выглядит в случае нашего юноши, однако если припомнить формулу, по которой сновидения содержат сублиминальные материалы текущего момента, то станет понятно, что рассуждать просто о «моральной» функции нельзя. Следует отметить, что сновидения тех людей, чьи поступки морально безупречны, предлагают нам материал, который вполне заслуженно определять как «аморальный» в обыденном смысле этого слова. Примечательна радость святого Августина по поводу того, что Бог не покарал его за греховные сны. Бессознательное есть неведомое сиюминутно, и потому несколько не удивительно, что сновидение привносит в текущую сознательную психологическую ситу-

ацию все те проявления, которые существенны для принципиально иной точки зрения. Ясно, что эта функция сновидения обеспечивает психологическую настройку, компенсацию, совершенно необходимую для правильно сбалансированного действия. Для сознательного процесса размышления важно, чтобы мы, насколько это возможно, четко представляли себе проявления и последствия конкретной ситуации, дабы суметь найти правильное решение. Этот процесс автоматически продолжается в более или менее бессознательных состояниях сна, где, как будто свидетельствует наш опыт, сновидца посещают все те же проявления (хотя бы опосредованно), которые наяву не были достаточно учтены или вовсе проигнорированы; другими словами, очутились в сравнительно бессознательном состоянии.

Что касается многократно обсуждавшегося *символизма сновидений*, то его оценка варьируется в зависимости от того, рассматривается ли он с каузальной или с финалистской точки зрения. Каузальный подход Фрейда опирался на желание или влечение, то есть на подавленное «сновидческое» стремление. Это влечение всегда оказывается относительно простым, элементарным, но может прятаться под множеством облиций. Так, юноша в нашем примере с равным успехом мог бы увидеть во сне, что он открывает ключом дверь, летит на аэроплане, целует свою мать и т. д. Под этим углом рассмотрения все перечисленное имело бы одно и то же значение. Налицо узость позиции представителей наиболее стро-

гих последователей Фрейда, которые пришли к толкованию – если обобщить известные примеры – почти всех удлинённых предметов в сновидении как фаллических символов, а всех округлых или полых – как символов женственности.

С финалистской точки зрения образы сновидения могут иметь внутреннюю значимость сами по себе. Если, к примеру, нашему юноше вместо сцены с яблоком приснилось бы, что он открывает ключом дверь, то этот образ сновидения охватывал бы существенно иной ассоциативный материал, дополняющий сознательную ситуацию способом, принципиально отличным от того, каким ее дополнял материал, связанный со срыванием яблок. С этой точки зрения вся полнота смысла кроется в разнообразии символических выражений сновидения, а не в единообразии их значения. Казальный подход в силу самой своей природы тяготеет к однозначности, то есть к жесткой фиксации значения символа. Финалистская же точка зрения, с другой стороны, усматривает в измененных образах сновидения выражение изменений в психологической ситуации. Она не признает за символами жесткого значения. С этой точки зрения все образы сновидения важны сами по себе, каждый обладает собственной значимостью, которой и обязан появлением в сновидении. Если вернуться к нашему примеру с яблоками, мы увидим, что с финалистской точки зрения символ сновидения имеет скорее ценность притчи, он не прячет, а наставляет. Сцена с яблоком живо рисует нам чувство вины и одновре-

менно скрывает деяние наших прародителей.

Совершенно ясно, что точка зрения, нами принятая, обеспечивает принципиально разные толкования сновидений. Отсюда естественным образом возникает вопрос: какое именно толкование будет лучше или правильнее? В конце концов, для нас, психотерапевтов, наличие *хоть какого-то* истолкования смысла сновидений является практической, а не только теоретической необходимостью. Если мы хотим лечить наших пациентов, то должны – по вполне конкретным причинам – стремиться освоить любые инструменты, которые позволяли бы нам успешно их обучать. Из примера выше недвусмысленно следует, что накопление материала к сновидению открыло возможность просветить молодого человека относительно многих ощущений, которые он прежде благополучно и беззаботно не замечал. При этом, отмахиваясь от таких ощущений, он фактически упустил нечто в самом себе, поскольку у него, как у всякого другого человека, имелись моральные нормы и моральные же потребности. Из-за того что он пытался жить, не принимая во внимание эти обстоятельства, его жизнь была односторонней и несовершенной, словно бы раскоординированной, и для психологического функционирования это было чревато теми же последствиями, какие сулит телу односторонняя, непродуманная диета. Чтобы приучить личность к полноте и самостоятельности, нужно взрастить в ней все те функции, которые до сих пор либо получали малую толику психического

развития, либо не развивались вовсе. Ради этого надлежит, по терапевтическим причинам, изучать все те бессознательные элементы, которые поставляет материал сновидений. То есть не подлежит сомнению, что финалистская точка зрения оказывается намного важнее для развития личности.

Обыденный взгляд на мир куда ближе, разумеется, научному мировоззрению нашего времени с его сугубо каузальным мышлением. В защиту фрейдовского подхода в качестве научного объяснения психологии сновидений можно было бы сказать многое. Но я вынужден оспаривать его полноту, ведь психическое недопустимо трактовать исключительно каузально, оно требует и финалистского рассмотрения. Лишь сочетание точек зрения (чего мы пока не добились в удовлетворяющей науку мере из-за значительных затруднений как теоретического, так и практического свойства) способно дать нам более полную картину природы сновидений.

Далее мне хотелось бы кратко обсудить остальные проблемы и задачи психологии сновидений, как бы дополняющие общую теорию. Начнем с *классификации сновидений*, и отмечу сразу, что лично я не придавал бы чрезмерной ценности, практической или теоретической, этому вопросу. Ежегодно я анализирую в среднем от полутора до двух тысяч сновидений и, располагая таким опытом, смею утверждать, что типичные сновидения и вправду существуют. Однако встречаются они не то чтобы часто и с финалистской точки зре-

ния во многом лишены той значимости, которую им придаст каузальное истолкование, придерживаясь фиксированного значения символов. Мне кажется, что *типичные мотивы* в сновидениях куда важнее самих типов снов, поскольку на их основе мы можем проводить сравнения с мифологическими мотивами. Многие мифологические мотивы, в выявлении которых несомненная заслуга принадлежит, в частности, Фробениусу, также обнаруживают себя в сновидениях, где нередко обладают именно исходным своим значением. У меня нет возможности уделить этому факту больше внимания, но я хотел бы подчеркнуть, что сравнение типичных мотивов сновидений с типичными мифологическими мотивами наводит на предположение (уже высказанное Ницше), «сновидческое» мышление следует воспринимать как филогенетически более древний способ мышления вообще. Не стану множить примеры и поясню, что я, собственно, имею в виду, вновь обратившись к сновидению, которое обсуждалось выше. Напомню, что этот сон представлял сцену с яблоками в качестве типичного выражения эротической вины. Посыл, извлекаемый из этого сновидения, должен был бы, по-видимому, звучать так: «Я поступаю неправильно, действуя подобным образом». Показательно, что сновидения никогда не выражают себя в столь логичной, столь абстрактной манере; они всегда общаются с нами на языке притч и аналогий. То же самое свойственно языкам первобытных народов, где преобладают цветистые речевые обороты. Если

вспомнить памятники древней литературы, нам станет ясно: то, что сегодня выражается с помощью абстракций, ранее выражалось преимущественно через уподобления. Даже философы вроде Платона не стеснялись излагать таким способом свои основополагающие идеи.

Наше тело несет в себе следы своего филогенетического развития, и точно так же обстоит дело с человеческим разумом. Поэтому нет ничего удивительного в той возможности, что образный язык наших сновидений может быть пережитком архаического образа мышления.

Кража яблок из нашего примера есть в действительности типичный мотив сновидений, который встречается в разнообразии вариантов в многочисленных снах. Также это хорошо известный мифологический мотив, который обнаруживается не только в библейской истории об Эдемском саде, но и во множестве мифов и сказок всех времен и народов. Перед нами один из тех универсальных человеческих символов, которые воспроизводятся автохтонно снова и снова. Получается, что психология сновидений открывает путь к общей сравнительной психологии, благодаря которой мы вправе надеяться на понимание развития и структуры человеческой психики, сходное с тем, каким применительно к человеческому телу нас одарила сравнительная анатомия.

Итак, сновидения сообщают нам образным языком, то есть посредством чувственных, конкретных образов, те мысли, суждения, воззрения, указания и позывы, которые отно-

сются к бессознательному – либо потому, что были вытеснены, либо из-за невозможности их воплощения. Именно в силу того, что они суть элементы бессознательного, а само сновидение является производным бессознательных процессов, в снах отражаются эти бессознательные элементы. Причем речь не об отражении бессознательных элементов в целом, а только об отражении определенных элементов, тех, что связаны между собой ассоциативно и отбираются через осознаваемую ситуацию текущего момента. Это наблюдение представляется мне чрезвычайно важным в практическом отношении. Если мы хотим правильно истолковать сновидение, то нам потребуется полное постижение сознательной ситуации текущего момента, потому что сон содержит ее бессознательное дополнение, то есть материал, который эта сознательная ситуация сгруппировала в бессознательном. Без такого знания сон возможно истолковать правильно лишь по воле счастливого случая. Проиллюстрирую сказанное новым примером.

Однажды ко мне обратился за советом один мужчина. Он рассказал, что предается различным ученым занятиям, а психоанализом интересуется с точки зрения литературы. По его словам, он был совершенно здоров, и потому его не следовало принимать за пациента. Психоанализ его просто сильно занимал. Он был довольно состоятелен и в избытке располагал свободным временем, которое тратил на свои занятия. Со мною он желал познакомиться для того, чтоб

я посвятил его в теоретические тайны психоанализа. При этом он признавал, что мне может быть крайне скучно общаться с нормальным человеком, ведь я наверняка нахожу «чокнутых» людей гораздо более интересными для себя. За несколько дней до встречи он написал мне с просьбой назначить дату консультации. В ходе нашего разговора мы вскоре затронули тему сновидений. Я решил уточнить, не снилось ли ему что-либо накануне визита ко мне. Он ответил утвердительно и поведал следующее: «Я нахожусь в пустой комнате. Выходит медсестра, говорит, чтобы я сел за стол, на котором стоит бутылка с простоквашей, и мне полагается ее выпить. Я говорю, что хочу увидеть доктора Юнга, но сестра сообщает, что я в клинике и что у доктора Юнга нет времени меня принять».

Уже из явного содержания сновидения следует, что предстоящий визит ко мне каким-то образом сгруппировал бессознательное этого человека. Он привел следующие ассоциации. Пустая комната: «Что-то вроде холодной приемной, как в общественных учреждениях или в приемном покое больницы. Сам я никогда не лежал в больнице». Медсестра: «Она выглядела отталкивающе, глаза у нее косили. Напоминала одну гадалку и хиромантку, к которой я как-то заглянул за предсказанием будущего. А когда я болел дома, за мной ухаживала диаконисса»³. Бутылка простокваши: «Что-то тош-

³ То есть мирянка, отчасти посвященная в священнический сан и выполняющая те или иные церковные обязанности. – *Примеч. пер.*

нотворное, я не могу пить простоквашу. Моя жена всегда ее пьет, и я над нею потешаюсь, ведь она одержима идеей, будто о здоровье надо заботиться постоянно. Помнится, я был в санатории – нервишки лечил, – и там мне пришлось пить простоквашу».

В этот миг я его перебил не вполне учтивым вопросом: пропал ли полностью с тех пор его невроз? Мужчина попытался уйти от ответа, но в конце концов был вынужден признаться, что все еще страдает неврозом и что, собственно говоря, жена уже давным-давно уговаривала его обратиться ко мне. Но самочувствие у него было отличное, и он не видел необходимости просить о консультации, он-то никакой не чокнутый, а я лечу одних сумасшедших. Его просто заинтересовали мои психологические теории, только и всего, и т. д.

Отсюда очевидно, как именно пациент фальсифицировал свою ситуацию; его самолюбию льстило прийти ко мне под видом философа и психолога, а свой невроз он предпочел отодвинуть глубоко на задний план. Но сновидение напомнило ему о болезни очень неприятным способом и заставило рассказать правду. Ему пришлось во сне проглотить противную простоквашу. Фигура же гадалки наглядно показывает, как он представлял себе мою деятельность. Из сновидения следовало, что ему нужно смириться с лечением, прежде чем он сможет попасть ко мне.

Этот сон проясняет и исправляет ситуацию. Он снабжает

нас недостающим материалом и тем самым улучшает установку пациента. Вот почему нам требуется анализ сновидений в нашей терапии.

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто все сновидения столь же просты, как описанное выше, или будто все они принадлежат к тому же самому типу. По моему мнению, верно, что все без исключения сновидения дополняют содержание сознания, но далеко не во всех из них эта компенсаторная функция выражена столь четко, как в данном случае. Пусть сновидения помогают психическому саморегулироваться автоматически, возвращая в него все вытесненное, оставленное без внимания или неведомое, но их компенсирующая ценность нередко остается непроясненной, поскольку мы по-прежнему обладаем крайне скудным знанием о природе и потребностях человеческой психики. Существуют такие психологические компенсации, которые, как представляется, никак не связаны будто бы с сиюминутными проблемами. В таких случаях всегда необходимо помнить о том, что каждый человек в некотором смысле есть все человечество и вся история рода людского. Нечто, возможное в человеческой истории как таковой, оказывается возможным и в судьбе отдельного человека. Нечто, нужное человечеству в целом, постепенно понадобится и отдельному человеку. Поэтому не удивительно, что религиозные компенсации играют важную роль в сновидениях. А то обстоятельство, что сегодня это проявляется все ча-

ще, есть естественное следствие преобладания материализма в нашем мировоззрении.

Дабы не возникло соблазна думать, будто компенсирующее значение сновидений было открыто лишь недавно или будто его просто-напросто «состряпали» ради удобства истолкования снов, обратимся к древнему и хорошо известному примеру, который содержится в четвертой главе книги пророка Даниила (7–13). Навуходоносору, который достиг вершины могущества, снится следующее:

«...Я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли.

Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть.

И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святый.

Воскликнув громко, Он сказал: “Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной.

Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему

сердце звериное, и пройдет над ним семь времен”».

Во второй части этого сновидения дерево персонифицируется, и нетрудно догадаться, что «большое дерево» есть сам царь, видящий сон. Даниил толкует сновидение именно так. Смысл сновидения несомненно заключается в попытке как-то компенсировать мегаломанию царя, которая, согласно повествованию, переросла в настоящий психоз. Объяснение процесса сновидения как компенсирующего вполне, по-моему, соответствует природе биологического процесса как такового. Фрейд в целом склонялся к тому же мнению, сам приписывал сновидениям компенсаторную роль в той степени, в какой они улучшают физиологию сна. Имеется, как показал Фрейд, ряд сновидений, открывающих нам, каким образом некоторые внешние раздражители, способные вырвать сновидца из состояния сна, искажаются так, что помогают спать дальше – точнее, обеспечивают состояние покоя. А также имеется бесчисленное множество сновидений, в которых, по утверждению Фрейда, внутриспихические возбуждения (скажем, личные идеи, способные высвободить сильные аффективные реакции) искажаются так, чтобы соответствовать контексту сновидения, который прячет эти болезненные идеи и делает сильные аффективные реакции невозможными.

При всем том нельзя упускать из вида тот факт, что именно сами сновидения более всего нарушают сон; довольно часто их драматическое построение логически нацелено на со-

здание высокоаффективной ситуации, причем напряжение аффекта нарастает в такой степени, что спящий неизбежно просыпается. Фрейд объяснял такие сновидения, утверждая, что цензор перестает подавлять болезненные аффекты. Мне кажется, что подобное объяснение противоречит фактам. Всем хорошо известны сны, в которых мучительные переживания или ошибочные действия из повседневной жизни отражаются самым неприятным образом и в которых обнажаются с мучительной откровенностью тревожные мысли. На мой взгляд, здесь неправомерно рассуждать об успокоительной и маскирующей аффекты функции сновидения. Пришлось бы ставить реальность с ног на голову, чтобы усмотреть в подобных сновидениях подтверждение объяснения Фрейда. Сказанное справедливо и для тех сновидений, где вытесненные сексуальные фантазии приходят без какого бы то ни было прикрытия в явное содержание сна.

Поэтому я пришел к выводу, что утверждение Фрейда, будто сновидения в основе своей суть функции исполнения желаний и улучшения сна, слишком узкое, пусть даже основная его мысль о биологической компенсаторной функции, безусловно, верна. Эта компенсаторная функция лишь в ограниченной мере затрагивает само состояние сна, ее основное значение проявляется в отношении к сознательной жизни. Сновидения, как я полагаю, компенсируют сознательную ситуацию текущего момента. Они поддерживают сон, насколько это возможно: приходят по необходимости

и автоматически, под влиянием физиологического состояния сна, но нарушают сон, когда того требует их функция, то есть когда компенсирующее содержание настолько интенсивно, что начинает противодействовать сну. А компенсирующее содержание становится особенно интенсивным, когда оно имеет жизненно важное значение для сознательной ориентации.

Уже в 1907 году я указал на компенсаторное соотношение между сознанием и отщепленными комплексами, а также подчеркнул их целенаправленный характер ⁴. К тому же выводу независимо от меня пришел и Флурнуа ⁵. На основании этих наблюдений становится очевидной возможность возникновения целенаправленных бессознательных импульсов. Впрочем, нужно отметить, что финалистская ориентация бессознательного ни в коем случае не параллельна нашим сознательным намерениям. Как правило, бессознательное содержание сильно отличается от сознательного материала, заметнее всего тогда, когда сознательная установка выраженно приобретает направление, угрожающее жизненным потребностям индивидуума. Чем более односторонней является сознательная установка и чем дальше она отклоняется от оптимума, тем реальнее возможность появления ярких сновидений с контрастным, но целенаправленным содержанием, отражающих саморегуляцию психического. Тело все-

⁴ См. мою работу «О психологии раннего слабоумия».

⁵ См.: *Flournoy, Automatismes teleologiques antisuicides*, p. 113 и далее.

гда целенаправленно реагирует на увечья, инфекции или любые аномальные условия, а психические функции точно так же воспринимают неестественные или опасные возмущения, запуская целенаправленные защитные механизмы. К числу целенаправленных реакций психического нужно отнести и сновидения, поскольку они предоставляют бессознательный материал в сгруппированной конкретной осознанной ситуации и предлагают его сознанию в символической форме. В этом материале обнаруживаются все те ассоциации, которые остались бессознательными из-за своей слабой проявленности, но которые все-таки обладают достаточной энергией для восприятия в состоянии сна. Конечно, целенаправленная природа содержания сновидений не наблюдается непосредственно извне без тщательного исследования. Необходим анализ явного содержания сновидений, посредством которого мы раскрываем актуальные компенсирующие факторы в латентном содержании. Большая часть физических механизмов защиты носит столь же невыраженный, так сказать, косвенный характер, а их целенаправленность возможно распознать лишь при кропотливом изучении. Мне остается только напомнить читателю о значении лихорадки или процессов нагноения в инфицированной ране.

Процессы психической компенсации почти всегда имеют сугубо индивидуальную природу, что существенно затрудняет процедуру доказательства их компенсирующего характера. Из-за этой особенности зачастую непросто, особенно

для начинающих, понять, в какой степени содержание сновидения обладает компенсирующим значением. Исходя из теории компенсации, возникает искушение предположить, например, что каждый, чересчур пессимистично взирающий на свою жизнь, должен видеть исключительно радостные, оптимистические сны. Эти ожидания сбываются, лишь когда мы имеем дело с человеком, чья натура допускает подобного рода «подбадривание». Но если он имеет иные склонности, то его сновидения будут целенаправленно уводить во мрак еще сильнее, нежели сознательная установка. То есть действовать по принципу «подобное лечится подобным».

Поэтому нелегко вывести какие-либо специальные правила для определения типа компенсации в сновидениях. Ее характер всегда тесно связан с целостной природой индивидуума. Возможности компенсации бесчисленны и неистощимы, хотя с увеличением жизненного опыта некие базовые черты все же выкристаллизовываются.

Выдвигая теорию компенсации, я не намерен преподнести ее как единственно возможную теорию сновидения или утверждать, что ее посредством возможно полностью объяснить все особенности сновидений. Вообще сновидение – чрезвычайно комплексное явление, столь же широкое и непостижимое, как и явления сознания. Будет неуместным пытаться объяснить все проявления сознания с точки зрения теории исполнения желаний или теории инстинктов, а потому крайне маловероятно, что проявления сновидения

поддаются такому же простому объяснению. Вдобавок нельзя трактовать проявления сновидения как сугубо компенсаторные и вторичные по отношению к элементам сознания, пускай принято думать, что для индивидуума сознательная жизнь значит куда больше, чем бессознательное. Пожалуй, это мнение следовало бы пересмотреть, ведь по мере углубления опыта приходит понимание того, что функция бессознательного в жизни психического обладает значением, которое мы пока, смею заявить, ценим не слишком-то высоко. Аналитические исследования (в первую очередь) все яснее показывают степень влияния бессознательного на сознательную психическую жизнь, причем существование и значение этого влияния ранее упускалось или недооценивалось. По моему мнению, которое опирается на многолетний опыт и обширные изыскания, значение бессознательного для общей деятельности мощности психического ничуть не меньше, вероятно, значения сознательной активности. Окажись я прав, следовало бы не только рассматривать функцию бессознательного как компенсирующую и дополняющую содержание сознания, но и трактовать содержание сознания как относящееся к единовременно сгруппированному бессознательному содержанию. В этом случае активная ориентация на цели и результаты перестанет быть исключительной привилегией сознания, распространится также на бессознательное, которое иногда сможет брать на себя функцию руководства по достижению цели. Соответственно, сновидение об-

ретет ценность позитивной, направляющей идеи или цели, жизненно важный смысл которых будет значительно превосходить смысл единовременно сгруппированного сознательного содержания. Эта возможность подкрепляется *consensus gentium*⁶, так как в суевериях всех времен и народов сновидения представляли таким возвещающим истину оракулом. Допуская здесь преувеличения и предрассудки, следует все-таки признать, что в подобных широко распространенных представлениях имеется крупица правды. Альфонс Мэдер⁷ придает особое значение (перспективно-финалистское, если угодно) сновидениям как целенаправленной бессознательной функции, которая прокладывает путь к разрешению реальных конфликтов и проблем и пытается выразить их через символы, выбираемые как бы на ощупь⁸.

Необходимо провести различие между перспективной и компенсаторной функциями сновидения. Последняя подразумевает, что бессознательное, рассматриваемое как дополнение сознания, привносит в сознательную ситуацию все те впечатления предыдущего дня, которые остались сублиминальными, – из-за вытеснения или потому, что им недоставало интенсивности достичь сознания. Компенсация как саморе-

⁶ Здесь: общим согласием (лат.). – *Примеч. ред.*

⁷ Швейцарский психиатр и психоаналитик, сотрудничал с Э. Блейлером, З. Фрейдом и К. Г. Юнгом. – *Примеч. пер.*

⁸ См.: Maeder, Sur le mouvement psychoanalytique, p. 389 и далее; Über die Funktion des Traumes, p. 692 и далее; Über das Traumproblem, p. 647 и далее.

гуляция психического организма должна быть признана целенаправленной.

С другой стороны, перспективная функция есть предвосхищение бессознательным грядущих сознательных достижений, нечто наподобие подготовительного упражнения, эскиза или небрежно набросанного плана. Ее символическое содержание порой предлагает способ разрешения конфликта, превосходные примеры этого приводит Мэдер. Существование таких перспективных сновидений отрицать невозможно. Было бы неправильно называть их пророческими, поскольку по сути своей они пророчествуют не больше, чем, скажем, медицинский диагноз или прогноз погоды. Это просто предвосхищающее комбинирование вероятностей, которое может совпасть с фактическим положением дел, но совсем не обязательно должно совпадать с ним во всех подробностях. Лишь в случае, когда налицо полное совпадение, можно говорить о «пророчестве». Нисколько не удивительно, что перспективная функция сновидения порой значительно превосходит возможности нашего сознательного разума; ведь сны возникают из слияния сублиминальных элементов и тем самым оказываются комбинацией всех тех впечатлений, мыслей и чувств, которые ускользнули от сознания в силу своей слабой проявленности. Кроме того, сновидения могут опираться на сублиминальные следы воспоминаний, которые более не в состоянии воздействовать на сознание. Поэтому применительно к прогнозированию сно-

видения нередко выглядят куда более предпочтительными, нежели сознательные мысли.

Хотя перспективная функция, по моему мнению, является существенной характеристикой сновидений, все же не нужно ее переоценивать, ведь очень просто допустить, что сновидение есть нечто вроде психопомпа⁹, который, обладая всеведением, безошибочно ведет жизнь в правильном направлении. Впрочем, поскольку множество людей недооценивает психологическую значимость сновидений, нельзя исключать вероятности того, что некто, увлеченный анализом снов, начнет превозносить значимость бессознательного в сравнении с реальной жизнью. Исходя из нашего предыдущего опыта, мы вправе предположить, что значимость бессознательного приблизительно сопоставима со значимостью сознания. Безусловно, имеются такие сознательные установки, которым довлеет бессознательное; эти установки настолько плохо адаптированы к целостности индивидуума, что бессознательная установка или группировка служит несравненно лучшим выражением его натуры. Но так случается далеко не всегда. Зачастую сновидения лишь в малой степени воздействуют фрагментами на сознательную установку, потому что последняя, с одной стороны, доста-

⁹ В античной мифологии проводник душ в иной мир: у древних греков таким проводником выступал бог Гермес, у римлян – Меркурий. Согласно юнгианской теории, психопомпы – посредники между сознанием и бессознательным, в сновидениях они обычно предстают в облике мудрых старцев, привлекательных женщин или животного-помощника. – *Примеч. пер.*

точно хорошо адаптирована к реальности, а с другой стороны, в общих чертах вполне удовлетворяет сущности индивидуума. В таких случаях будет неуместным выделять как-то более или менее явно «сновидческую» точку зрения, пренебрегая при этом сознательной ситуацией; в результате мы только запутаемся, а сознательная деятельность нарушится. Только при наличии очевидно неудовлетворительной или дефектной сознательной установки мы имеем право наделять бессознательное более высокой ценностью. Критерий, необходимый для вынесения такого суждения, сам по себе, разумеется, установить не так-то легко. Никто не станет спорить с тем, что ценность сознательной установки не может измеряться с исключительно коллективной точки зрения. Требуется тщательное исследование той индивидуальности, которая нас интересует, и лишь на основании точного знания об индивидуальных характеристиках можно решать, в каком именно отношении сознательная установка неудовлетворительна. Когда я обращаю внимание на важность изучения индивидуального характера, то вовсе не имею в виду, что требованиями коллективной точки зрения вообще стоит пренебречь. Как известно, индивидуум существует не сам по себе, его натура опосредована взаимоотношениями в коллективе. Поэтому, когда сознательная установка более или менее удовлетворительна, значение сновидений сводится всего-навсего к компенсаторной функции. Для нормального человека при нормальных внутренних и внешних усло-

виях это непреложное правило. По данной причине мне кажется, что теория компенсации содержит верную формулу и соответствует фактам реальности, поскольку она присваивает сновидению компенсаторную функцию в саморегуляции психического организма.

Но когда индивидуум отклоняется от нормы (его сознательная установка не адаптирована ни объективно, ни субъективно), то обыкновенная, при нормальных условиях, компенсаторная функция бессознательного становится направляющей, перспективной функцией, способной увлечь сознательную установку в совершенно другом направлении, заведомо лучше, нежели предыдущее, что убедительно доказал в своих исследованиях Мэдер. Сюда относятся сновидения того типа, к которым принадлежал сон Навуходносора. Ясно, что подобные сновидения встречаются главным образом среди людей, не достигших подлинных вершин в своем развитии. Не менее ясно, что такая диспропорция встречается очень часто. Поэтому нам нередко выпадает возможность оценивать сновидения по их перспективной значимости.

Теперь рассмотрим еще одну сторону сновидений, которую ни в коем случае нельзя упустить из вида. У многих людей сознательная установка дефектна не применительно к адаптации к окружающей среде, а применительно к выражению их собственного характера. Это люди, чья сознательная установка и адаптивное поведение превосходят их индивидуальные возможности – то есть они кажутся лучше и зна-

чительнее, чем есть на самом деле. Внешний успех, конечно, обеспечивается не только индивидуальными ресурсами, но преимущественно за счет динамических резервов, генерируемых коллективным внушением. Такие люди взбираются выше своего естественного уровня благодаря воздействию какого-то коллективного идеала, благодаря привлекательности какого-то социального преимущества или благодаря общественной поддержке. Внутренне они не развиваются до уровня своего внешнего высокого положения, и потому во всех подобных случаях бессознательное демонстрирует *негативно-компенсирующую, или редуцирующую, функцию*. Ясно, что при таких обстоятельствах редукция или обесценивание оказывают определенное воздействие на саморегуляцию психики, а сама эта функция может быть чрезвычайно перспективной (ср. сновидение Навуходносора). Мы охотно связываем понятие «перспективный» с идеей строительства, подготовки, синтеза, но, чтобы понять упомянутые редуктивные сновидения, следует принудительно отделить понятие «перспективный» от любых подобных идей, поскольку редуктивные сновидения оказывают влияние, принципиально обратное идеям строительства, подготовки или синтеза: оно, скорее, разлагает, обесценивает, растворяет и даже разрушает. Разумеется, отсюда не вытекает, что ассимиляция редуктивного содержания должна деструктивно воздействовать на цельность индивидуума; напротив, ее влияние нередко оказывается оздоравливающим, именно потому, что затра-

живается сама установка, а не личность в целом. Но это вторичное качество несколько не изменяет сущность сновидения, которое демонстрирует редуцирующий, ретроспективный отпечаток и по этой причине не может быть обозначено как «перспективное». Для более точной классификации полезно, видимо, ввести обозначение редуктивных сновидений, а соответствующую функцию определить как *редуцирующую функцию бессознательного*, хотя, по сути, перед нами все та же компенсаторная функция. Мы должны усвоить тот факт, что бессознательное далеко не всегда выражает что-либо яснее сознательной установки. Оно меняет свой облик столь же часто, насколько это свойственно сознанию, а потому мы имеем лишнее доказательство того, как трудно составить сколько-нибудь внятное представление о природе бессознательного.

Сведениям о редуктивной функции бессознательного мы обязаны, в первую очередь, исследованиям Фрейда. Его толкование сновидений, в сущности, сводится к установлению вытесненной личной подоплеки индивидуума и инфантильно-сексуальных ее проявлений. Дальнейшие исследования позволили перебросить мостик к архаическим элементам, к надличностным, историческим, филогенетическим и функциональным рудиментам в бессознательном. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что редуктивная функция сновидений группирует материал, состоящий в основном из вытесненных инфантильно-сексуальных желаний (Фрейд),

инфантильных притязаний на власть (Адлер) и надличностных архаических элементов мышления, чувства и инстинкта. Воспроизведение подобных элементов, которые отличаются сугубо ретроспективным характером, действительно, как ничто другое, избавляют от чрезмерного самомнения человека и низводят индивидуума до его человеческой ничтожности и зависимости от физиологических, исторических и филогенетических условий. Всякая видимость ложного величия рассыпается в прах перед редуцирующими образами сновидений, которые подвергают сознательную установку безжалостной критике и привлекают уничижительный материал, содержащий полный перечень самых его болезненных слабостей. Ни в коем случае нельзя обозначать такую функцию сновидения как перспективную, ведь все в этом сновидении, вплоть до мельчайших подробностей, ретроспективно и обращено вспять, к прошлому, которое индивидуум мнил давным-давно забытым. Конечно, ничто не мешает такому содержанию сна быть компенсирующим по отношению к сознательным элементам и финалистски ориентированным, поскольку редуцирующая направленность может порой быть крайне важной для адаптации. Пациенты часто и внезапно ощущают, что содержание их сновидений соотносится с сознательными ситуациями, причем воспринимают сон как перспективный, редуцирующий или компенсирующий – сообразно с этим чувственным знанием. Но так бывает не всегда, далеко не всегда, и нужно особо подчеркнуть, что

в целом, обычно в начале аналитического лечения, пациент обыкновенно склонен истолковывать результаты аналитического исследования своих материалов в рамках собственной патогенной установки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.